

В прошлом номере «Вестей» (№ 80 от 7 октября 2015 года) мы пообещали рассказать, как награды за Северо-Курильскую десантную операцию искали своих героев. Много странного было в решении советского командования кого награждать за мужество и героизм, проявленный в боях на острове Шумшу, а кого погодить. Первая странность, если можно ее так назвать, проявилась в отношении Петра Ивановича Ильичева, Героя Советского Союза. Напомню, что краснофлотец Петр Ильичев закрыл своей грудью амбразуру вражеского дота, повторив подвиг Александра Матросова. Буквально за несколько минут до его подвига на том же самом доте закрыл грудью другую амбразуру старшина первой статьи Николай Александрович Вилков.

14 сентября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Вилкову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Однако Петр Ильичев за свой подвиг не получил тогда даже благодарности. Лишь в сентябре 1958 года восторжествовала справедливость, краснофлотцу Петру Ильичеву присвоили звание Героя Советского Союза. Почему целых 13 лет подвиг героя оставался в забвении? Пример с Петром Ильичевым – не единственный в тех страшных боях за высоты 165 метров и 171 метр на острове Шумшу.

Обращусь к публикации Александра Христофорова «Морской Курильский десант...», опубликованной в Альманахе «Краеведческие записки», 1995 года, под общей редакцией А.К. Пономаренко, кандидата исторических наук (стр. 41). Автор статьи подробно рассказывает об одном из ключевых эпизодов битвы за высоту 171.

«Противник, чтобы исправить положение, снова кинул в бой танки. Первыми с ними встретились моряки-десантники, возглавляемые старшим техником-лейтенантом А. М. Водыниным. Ведомые им пятеро моряков: старший сержант И. Кобзарь, старшина II статьи П. Бабич, сержант С. Рындин, матросы М. Власенко и П. Ударцев, – нагруженные фугасами и гранатами, шли подрывать дот, мешавший наступать на высоту. С тыла разведчиков-подрывников атаковала группа японцев. Пришлось выдержать бой. Были ранены П. Ударцев и П. Бабич. Александр Водынин тоже был ранен в плечо. Вдруг в шум боя вмешался лязг гусениц. Это к высоте 171 шли японские танки, чтобы сбросить десант в море. За танками с криками «банзай» уже бежала японская пехота. Лейтенант Водынин понимал, что прорыв танков – это гибель десанта и отдал приказание остановить танки любой ценой. Головной танк отважный офицер подбил связкой гранат. Но второй танк, обойдя подбитый, сминая кустарник стальными траками, шел прямо на Водынина. Прижав к груди противотанковую мину, герой бросился под танк. Вражеская машина вспыхнула, но погиб и Александр Водынин. Сейчас уже известно, что он подбил танк командира 11-го танкового полка, ехавшего с развернутым знаменем на помощь отступившей японской пехоте. Водитель третьего танка, испугавшись Ивана Кобзаря, уже смертельно раненного, опасаясь мины, резко свернул машину в сторону, но в него на скорости врезался четвертый танк. Танк, шедший впереди, перевернулся, а другой загорелся. Дорога была закрыта. Часть танков ринулась через болото. Тогда в обход наперерез им выскочил с фугасом сержант С. Рындин, навстречу следующему танку поднялся Петр Бабич. Он сунул фугас прямо под гусеницы шедшего на него танка. Взрывом Петра отбросило метров на десять в болото, а на него уже пошел другой танк и стал «утюжить» его в болоте. Матрос Власенко кинул гранату в танк, но она не долетела. Прорвавшиеся танки уничтожили Петр Ударцев и подоспевшие бронебойщики. (В воспоминаниях его сослуживцев он – Ударцев, а в архивных документах Ударцов). Всего было подбито восемнадцать танков. Бой проходил в ста

пятидесяти метрах от батальона, и многие моряки видели воинский подвиг своих товарищей.

Когда после боя Бабича вытащили из болота, казалось, что в нем не было жизни. Только на четвертые сутки Петр пришел в себя. У него были сломаны ноги, ключица, четыре ребра и были сильные повреждения головы. Но он выжил.

Из документов Центрального военно-морского архива:

«Во время штурма высоты 171 японцами было брошено против моряков 20 танков.

Старший техник-лейтенант Водынин Александр Михайлович во время танковой атаки противника со связкой гранат бросился под танк и подорвал его. Тов. Водынин погиб смертью героя».

Василий Акшинский в своей книге «Курильский десант», изданной в 1985 году, тоже рассказывает про этот бой.

«Отважных моряков было всего шесть человек – командир Водынин, старший сержант Иван Кобзарь, старшина 2 статьи Петр Бабич, сержант Степан Рындин, старшие матросы Михаил Власенко и Петр Ударцев. Первые пять были ранены, а Ударцев – тяжело контужен и направлен в медсанбат, но упросил отменить приказ. Других же членов своей группы Водынин еще до этой схватки отправил на обратный скат высоты, чтобы взорвать там хорошо замаскированный японский дот.

Вдруг они услышали гул тяжелых моторов, а затем и увидели колонну японских танков, огибающих склон, чтобы по твердой полоске у его подножия миновать болото и просочиться в наш тыл. Моряки сразу же оценили всю опасность, которую несут нашим десантникам эти вражеские машины. А.М. Водынин сказал: «Надо во что бы то ни стало остановить танки. Иначе погибнут все наши товарищи». Это означало лишь одно – стоять насмерть. Он распределил между моряками гранаты и мины и указал каждому его место, а Ударцева, едва стоявшего на ногах, легко подтолкнул в сторону:

«Замаскируйся недалеко от нас и прикрывай автоматным огнем».

Когда головной японский танк приблизился к ним, Александр Водынин метнул под него противотанковую гранату. Раздался взрыв. Но в этот момент на Водынина неожиданно повернула вторая вражеская машина. Время исчислялось секундами. Схватив мину, отважный техник-лейтенант бросился под ее гусеницы и ценой собственной жизни уничтожил второй танк. К третьему вражескому танку с миной на поясе и гранатами в руках метнулся старший сержант Иван Кобзарь. Увидев это, японец-водитель резко затормозил, срезал из пулемета Кобзаря и свернул в сторону, но на него налетел танк, идущий следом. Искореженные и горящие вражеские машины перегородили дорогу. Остальные стали обходить их по кромке болота, скорость их движения замедлилась. Под пятый танк с фугасом и детонатором кинулся Степан Рындин и взорвал его вместе с собой. Навстречу следующему с противотанковой миной кинулся Петр Бабич, но танк, резко развернувшись, сбил его с ног и буквально запахал в пласт дерна. Раздался взрыв. Контуженного и покалеченного моряка случайно обнаружили санитары в бессознательном состоянии и доставили в госпиталь. Он пришел в себя лишь через несколько дней».

Короче всех о боевом эпизоде отражения танковой атаки рассказал военный историк Виктор Николаевич Багров в своей книге «Победа на островах», изданной в 1985 году Сахалинским отделением Дальневосточного книжного издательства (стр. 93-94).

«Насмерть стояла, отражая танковую атаку врага, группа из пяти моряков:

техник-лейтенант А.М. Водынин, старшина 2-й статьи Петр Бабич, старший сержант Иван Кобзарь, сержант Рында (Рындин – Авт.) и краснофлотец Михаил Власенко. Моряки обороняли участок дороги, ограниченный с одной стороны отвесной скалой, с другой – болотом. Японские танки, лишенные маневра, шли напролом. Сдержать их было трудно, так как у моряков единственным оружием для этого были гранаты. В сложившейся тяжелой обстановке бессмертный подвиг совершил А.М. Водынин. Обвязавшись гранатами, он бросился под головной вражеский танк и ценой своей жизни подорвал его. Враг дрогнул и отступил».

Замечу, что все три автора ссылаются на данные, полученные из Центрального Военно-морского архива, т.е. о подвиге лейтенанта Александра Водынина, Петра Бабича, старшего сержанта Ивана Кобзаря и сержанта Степана Рындина было известно сразу после сражения. Так почему они не получили никакой награды?

Лишь в 1975 году Александр Водынин посмертно был награжден орденом Красного Знамени. В 1965 году Петр Бабич получил орден Отечественной войны I степени. И совсем уже выглядит удивительным, что старшего сержанта Ивана Кобзаря и сержанта Степана Рындина наградили орденом Отечественной войны в 1994 году (!)

Очень странно, если не сказать крепче, выглядит награждение Петра Бабича орденом Отечественной войны в 1965 году. Если историки или следопыты установили место и обстоятельства совершенного им подвига, то они не могли пройти мимо фамилий Водынина, Кобзаря и Рындина. Все военнослужащие погибли в одном бою, примерно в одно и то же время, в одном месте и при одинаковых обстоятельствах. Почему еще в 1965 году не наградили остальных героев? И совсем уже выглядит странным тот факт, что командир подразделения, лейтенант Водынин, грамотно организовавший оборону и увлекший своим личным примером подчиненных на самопожертвование, получил всего лишь орден Красного Знамени, учитывая, что задача не допустить прорыва танков его подразделением была решена. Разве он не достоин присвоения звания Героя Советского Союза? На минуту представим себе: если бы японские танки зашли в тыл нашего десанта, сколько бы десантников они уничтожили? Под вопросом стоял успех самой операции, первый эшелон десанта вполне могли сбросить в море.

Предложу свою версию, как выбирали бойцов для представления к наградам.

Скорее всего, работал принцип квот. Это означало, что за проведение Курильской десантной операции было выделено определенное количество наград, например, Героев Советского Союза. И среди представленных к этой высокой награде выбирали, в первую очередь, руководителей операции, коммунистов, людей с рабоче-крестьянским происхождением, не имеющих родственников среди «врагов народа» и тому подобное. Так, например, старший техник-лейтенант Александр Водынин был беспартийным и служил с 1942 года начальником инженерного склада № 380 Петропавловской ВМБ (военно-морской базы). В общем, как принято считать, «отсиживался» в глубоком тылу. Полагаю, по этой же причине не попал в списки Героев Советского Союза и Петр Ильичев. Ему не повезло, он был всего лишь комсомольцем, а не коммунистом, в отличие от Николая Вилкова. Поэтому, скорее всего, он не попал в квоту «золотых звезд».

Принцип квотирования на награды сохранился до конца существования Советского Союза. Поэтому за одни и те же подвиги, совершенные разными людьми на поле брани, герои могли получить либо Золотую звезду, либо просто запись в похоронке «Пал смертью храбрых». К тому же любой орден давал право на получение денежного вознаграждения, поэтому государство путем квотирования ограничивало финансовые

расходы, например, сегодня почетная грамота, дающая работнику право на звание «Ветеран труда» и соответственно получение дополнительных к пенсии выплат, в каждом регионе Российской Федерации котируется. То же самое происходило и происходит с орденами. Разумеется, нужно отличать, на чем можно экономить, а на чем нет. Но, увы, для Советского Союза люди не представляли особой ценности и высшее военное командование предпочитало воевать не умением, а числом.

Героизм в бою почти всегда сопряжен с точным расчетом, и жертвовать собой боец имеет право лишь в крайнем случае, когда иным способом задача не может быть выполнена. Если понимать «выполнение задачи» дословно, то Иван Кобзарь ее не выполнил, но проявил величие духа, мужество и стойкость. За что его и должны были представить к правительственной награде.

Пойдем дальше в наших рассуждениях. А достойны ли награды те, утонувшие десантники, которые даже не добрались до берега? Безусловно. Другое дело, что они могли получить меньшую награду, по сравнению с теми, кто непосредственно участвовал в бою и нанес урон врагу. Они проявили мужество и массовый героизм. На глазах десантников тонули их товарищи и, тем не менее, они все равно прыгали в воду, надеясь, что выберутся на берег и вступят в бой. Бойцы выполняли приказ, какой бы он ни был, плохой или хороший. Впереди был враг, которого необходимо было победить, не думая, убьют тебя или нет. Каждый из погибших, пусть даже утонувших при высадке десанта, исполнил свой воинский долг, а значит, их всех нужно наградить.

Квотирование на правительственные награды в советское время, как я уже сказал, было обыденным делом. Но иногда в дело вмешивались субъективные обстоятельства. На Камчатке к таким наиболее ярким примерам можно отнести аварию с атомной подводной лодкой К-429.

Трагедия случилась в бухте Саранной 23 июня 1983 года. Подводная лодка затонула на глубине 40 метров, погибли 17 человек (из примерно 100 человек членов экипажа). Но погибших могло быть значительно больше, если бы не действия капитана II ранга Александра Маркмана (впоследствии мэра Вилючинска) и мичмана Василия Баева, впоследствии – почетного гражданина Вилючинска. Их грамотные, решительные действия и мужественные поступки предотвратили панику среди личного состава тонущей лодки и помогли спастись оставшимся в живых после аварии членам экипажа. Александр Маркман руководил действиями по спасению в носовом, а Василий Баев – в кормовом отсеках. Через спасательную камеру в корме и торпедные аппараты в носу военные моряки поднялись с глубины 40 метров на поверхность один за другим.

Прибывший на место аварии главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР, Герой Советского Союза адмирал Сергей Горшков лично руководил операцией по спасению военных моряков и подъему лодки. Когда ему на подпись принесли представление на звание Героев Советского Союза капитана II ранга Александра Маркмана и мичмана Василия Баева, он отрезал: «На этой лодке героев не будет». К тому времени господин Горшков командовал советским военно-морским флотом уже 28 лет. Его решения иногда выдавали в нем человека, страдающего старческим маразмом.

Таким образом, Александр Маркман и Василий Баев получили ордена Красной звезды. Говоря о награжденных и не награжденных героях, нельзя пройти мимо случая, который произошел на Камчатке 10 октября 1945 года, когда при разминировании в районе мысов Маячный и Безымянный подорвались на своих же минах два советских тральщика. Погибли 35 человек. Трупы шестерых моряков удалось вытащить из воды. Из

35 краснофлотцев, старшин и офицеров к наградам представили 24 человека (посмертно). Одиннадцать человек по неизвестной причине остались без наград. Напомню, офицеров наградили орденом Отечественной войны I степени, а старшин и рядовых орденами Отечественной войны II степени. Уверен, в этой ситуации также сыграл принцип квотирования в совокупности с социальным происхождением погибших и принадлежностью к Всероссийской Коммунистической Партии большевиков. Командование выделило на погибших 24 ордена и все. Нашелся на «верху» какой-то адмирал, вроде Горшкова, и решил, нечего их баловать, хватит двух десятков орденов и баста...

Боевое разминирование во все времена является боевой задачей, связанной с риском для жизни, причем рискуют все одинаково – от командира тральщика до последнего матроса. В нашей истории с разминированием существует очень много вопросов к начальнику Камчатской военно-морской базы, Герою Советского Союза капитану I ранга Дмитрию Пономареву. Почему были утрачены карты минных полей? Получается, наши моряки подорвались, прежде всего, по халатности руководства военно-морской базы(?). Учитывая еще «заслуги» Дмитрия Пономарева в высадке десанта на Шумшу, когда утонули около 800 человек (более половины всех потерь) из-за того, что у них не было надлежащих плавсредств, можно усомниться в компетентности старшего камчатского военмора, и уж тем более – в правильности решения о присвоения ему за Курильскую десантную операцию звания Героя Советского Союза. Генерал-майору Гнечко, командующему камчатским оборонительным районом и военмору Пономареву, командующему военно-морской базой и военно-морскими силами укрепрайона, после войны надо было бы «рыть землю», чтобы установить имена всех погибших и воздать должное героям. В первую очередь, они несли ответственность за огромные потери десанта. Сегодня можно с уверенностью сказать, что при штурме Шумшу погиб каждый восьмой военнослужащий и каждый шестнадцатый был ранен. (Что касается раненых, то, полагаю, что эта цифра сильно занижена по сравнению с данными, приведенными Виктором Багровым в книге «Победа на островах», стр. 100). Согласно общей статистике потерь во Второй Мировой войне среди военнослужащих, на одного убитого приходится двое-трое раненых.

Северо-Курильская десантная операция прошла с максимальными потерями для советских войск. Из восьми тысяч военнослужащих, принимавших участие в операции, выбыли из строя около 40 процентов всего личного состава. Победа была обеспечена ценой неоправданно высоких потерь. А потери явились следствием безграмотного руководства самой операцией. За ошибки командования десантники заплатили своей кровью. И, что самое страшное, забвением.

Увы, коммунистическая верхушка советского государства сделала очень многое, чтобы скрыть правду о Второй мировой войне, включая Великую Отечественную, о том, какой страшной ценой мы получили победу.

И здесь, извините, не обойтись без высокопарных слов. Но тем ярче предстает величие подвига нашего народа, его немыслимая жертвенность и чувство патриотизма. Теперь, когда мы знаем очень многое о том, как прошла Северо-Курильская десантная операция, пора воздать должное ее героям. Это означает – всех погибших, включая утонувших (по официальной версии – пропавших без вести), которым в свое время не были вручены ордена и медали, представить к наградам (посмертно). В отношении лейтенанта Александра Водынина восстановить историческую справедливость и представить к

званию Героя Советского Союза. Россия приняла на себя все обязательства Советского Союза в международных отношениях, уместно будет, если правительство РФ воспользуется своим правом внутри своей страны.

«Это нужно не мертвым, это нужно живым».

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.

P.S. Одним из талантливейших литературных памятников солдатам, не вернувшимся с войны, служит поэзия Александра Твардовского. Полагаю, в Год литературы, уместно закончить цикл статей «Штурм острова Шумшу» его бессмертным стихотворением «Я убит подо Ржевом».

Я убит подо Ржевом
(Печатается с сокращениями)

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

И у мертвых, безгласных,

Есть отрада одна:
Мы за родину пали.
Но она – спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам – все это, живые.
Нам – отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, –
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье –
Эта кара страшна.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, –

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.

Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой.
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.